

- ⁶ Fährnich H. Kartwelischer Wortschatz III // Georganica. N. 8. Jena; Tbilissi. 1985.
- ⁷ Mapp H. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматиею и словарем. СПб., 1910, 236.
- ⁸ Г.А. Климов (Этимологический словарь..., с. 269) предлагает груз. ჟარ- 'крест', Б.К. Гигинейшвили (К происхождению некоторых этнографических терминов в картвельских языках // Изв. АН ГССР. Серия истории, археологии, искусствоведения и этнографии, № 2. Тбилиси, 1985 56—57 (на груз. яз.). — груз. ჯოჯ- 'подрезать (лозу)'.
⁹ Fährnich H. Kartwelischer Wortschatz II // Georganica. N. 7. Jena; Tbilissi. 1984.
- ¹⁰ Сван. *ddy-* 'ворчать, бормотать', возможно, заимствовано из грузинского.
- ¹¹ Действительно, ср. явные заимствования: груз. *cosxal-* 'живой', мегр. *sxosxal-*, груз. *zax-* 'ветчина' — мегр. *zaxx-*, груз. *čončx-* 'остов, скелет' — мегр. *čxončx-*. см.: Гудава Т.Е., Гамкрелидзе Т.В. Комплексы согласных в мегрельском // Акакио Шанидзе. Тбилиси, 1981. 226 (на груз. яз.).
- ¹² Об этом правиле см.: Климов... 23.
- ¹³ Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения неостратических языков. Введение. Сравнительный словарь (*b-k*). М., 1971. 210.
- ¹⁴ Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965. 316—317 (на груз. яз.).
- ¹⁵ См. об этом: Рогавя Г.В. К вопросу о закономерности диссимилятивного озвончения глухих смычных // Ежегодник иберийского-кавказского языкознания. IX. Тбилиси. 1982.
- ¹⁶ На принципиальную возможность полной редупликации указал автору С.Л. Николаев. Толковый словарь грузинского языка. Т. VIII. Тбилиси, 1964. 480—481; 521—522 (на груз. яз.).
- ¹⁸ Толковый словарь..., т. VIII, 1045.
- ¹⁹ Vogt H. Suffixes verbaux en géorgien ancien // Norsk tidsskrift for sprogvidenskap. B. XIV. Oslo, 1947. 49.

В.А. Чирикба

К ЭТИМОЛОГИИ ДВУХ АБХАЗСКИХ СЛОВ (в связи с параллелями в славянском)

1. Абхазское *а-хас'а* 'мужчина, муж; герой'

В абхазо-абазинских диалектах имеются следующие формы указанного в заглавии слова: абхаз. *а-хас'а*, бзыб. *а-х'а́с'а*, абаз. *qac'a*. Для праабхазского реконструируется **qac'a*. Семантика слова включает три близких значения: 'мужчина; муж, супруг; герой (витязь)'. Отсюда такие производные, как абхаз. *а-хас'ejba* 'вловец' (*ajba* 'сирота'), *а-хас'аргэс* 'юноша' (*а-ргэс* 'парень, отрок'), *а-хас'ахара*, абаз. *qac'-axara* 'возмужать, стать мужчиной', абхаз. *а-хас'асара* 'выйти замуж', а также абхаз. *а-хас'ара*, абаз. *qac'ara* 'геройство, мужество', абхаз. *а-хас'а-и-хас'а* 'герой из героев', *а-фэрхас'а* 'герой, витязь', абаз. *fərqac'a* то же. Кстати, последнее слово часто неточно понимают как 'герой-молния', связывая первый компонент композита (*fə*) с абхаз. *а-фə* 'молния'. Однако в абазинском (тап.) при *fərqac'a* 'герой' мы имеем *а-с* 'молния', закономерно соответствующее абхаз. *а-фə*. Правильнее, видимо, понимать праабхаз. **fər-qac'a* как сложение *fər* 'герой' (< 'быстрый, стремительный') и *qac'a* 'герой, муж', ср. абаз. *fər* 'герой', абхаз. *а-фə* 'быстро, стремительно'.

Отсутствие соответствий абхазо-абазинскому слову в родствен-

ных убыхском и адыгских языках заставляет обратиться к поискам его внутренней этимологии. В.Х. Конджария видит в *-ха-* название головы¹, ср. абхаз. абж. *а-хэ*, бзыб. *а-хэ*, абаз. *qa* 'голова'. Как представляется, в **qac'a* можно видеть не сложение двух основ, а отглагольное имя, восходящее к **qa-č'a* 'исполняться (о возрасте)'. Такая этимология опирается на глагол *а-хэ-č'-ra* (абж.) *а-хэ-č'-ra* (бзыб.), абаз. *qə-c'-ra* также в значении 'исполняться (о возрасте)'. Глагол *а-хэс'ra* состоит из преверба *хэ/хэ* < **qa* 'сверху, (через) верх' (восходящего к **qa* 'голова') и глагола *-č'-ra* 'проходить (о времени)', родственного к адыг. *š'ə-n* и убых. *c'a-* с тем же значением. Слово **qac'a* изначально являлось, по-видимому, эпитетом и значило, собственно, 'проживший; (достигший) возраста; в годах' с естественными ассоциациями 'опытный; зрелый'. Отсюда и семантическое развитие в двух направлениях, первое из которых — (поло-) возрастное: 'мужчина, достигший зрелого возраста; зрелый мужчина' (ср. абхаз. *а-паза* 'взрослый, сформировавшийся' от глагола *а-пазара* 'достигать (чего-либо)', а затем просто 'мужчина; муж'. Второе значение может быть обязано семантическому развитию в сторону 'опытный; умудренный годами'. Впрочем, значение 'герой; витязь' естественным образом может быть производным и от понятия 'мужчина, муж' в смысле 'настоящий мужчина; истинный мужчина', что особенно вероятно в свете культивировавшегося на Кавказе образа мужчины-героя, мужчины-рыцаря, воплощения мужественности, доблести и отваги. Закономерность такого семантического развития подтверждается многочисленными примерами и из иноязычных традиций, ср. хотя бы значения русского *муж*, включающие и такие понятия, как 'мужчина в зрелом возрасте, а также деятель на каком-н. общественном посту', англ. *man* 'мужчина; мужественный человек', о.-тюрк. **ēr* 'мужчина, муж; герой'² и т.п.

Таким образом, праабхаз. **qac'a* являлось, по-видимому, первоначально эпитетом, подобно упомянутому выше *а-паза*, а также абаз. *fər* 'герой' (букв. 'быстрый; стремительный'), рус. *пожилой* (в субстант. знач.), шугн. *safədgāl* 'старуха' — 'белоголовая', тюрк. *aqsaqal* 'старик' (букв. 'белая борода') и т.д. Исходная семантика его — 'проживший; достигший зрелости'. Отсюда развитие:

- 1) 'зрелый мужчина' → 'муж, супруг';
- 2) 'зрелый мужчина' → 'герой; рыцарь; витязь'.

Для соотношения семантики 'мужчина, муж' и 'возраст' ср. о.-слав. *mož* 'муж, мужчина' и родственное ему лтш. *mūžs* 'возраст', правда, с обратным направлением семантического развития³.

В заключение хотелось бы указать на интересную, как представляется, структурно-семантическую параллель абхазо-абазинского **qac'a* общеславянскому **čelověkь*. Общепринятым является толкование последнего как 'сын рода': *čelo* — к *čeljadyь*, а *věkь* родственно лит. *vaikas* 'дитя'⁴. Такая этимология славянского слова, при всей ее прозрачности, содержит, как отмечает О.Н. Трубачев, "некий не до конца выясненный проблематичный этимол. остаток, что заставляет отдельных авторов до настоящего времени предпринимать новые попытки его этимологизации" (ЭССЯ 4, 50). Исходя из связи первого компонента в **čelověkь* с *čelo* 'лоб', а второго с **věkь* 'возраст, век',

можно усмотреть определенную идеосемантическую близость данного композита к праабхаз. **qač'a* 'человек, мужчина; муж; герой', где, как было сказано выше, преверб. *qa* восходит к **qa* 'голова', а -*č'a* — к глаголу **č'a-* 'проходить (о времени)'. Не могло ли и славянское слово, при всей его формальной несхожести с абхазо-абазинским (в первом — сложение двух существительных, во втором — отглагольное имя) пройти сходную с ним семантическую эволюцию: 'в возрасте; достигший зрелого возраста' (букв. 'тот, у кого на челе отпечатан возраст?') → 'человек, мужчина', а в ряде языков (болг. (диал.), макед., н.-луж., укр.) и далее → 'муж, супруг' (Там же, 48—49)?

2. Абхазское *a-(čə)k^waba-ra*, славянское **kopati (se)* 'купать(ся)'

Исследования последних десятилетий внесли больше ясности в вопрос о звуковом символизме в человеческом языке. Становится очевидным, что в любом языке, независимо от степени его "цивизованности" или "окультуренности" имеется внушительное число слов звукоизобразительной (звукоподражательной и звукоописательной) природы. Сходства между лексикой подобного рода в совершенно различных языках мира объясняется, с одной стороны, схожим акустическим или фигуративным образом объекта номинации, и с другой стороны, универсальными характеристиками антропофонического аппарата человека.

Отчетливо выделяющиеся ономотопы не представляют особых трудностей для анализа. В то же время существует довольно большое число лексем с затемненной, стертой звукоизобразительностью, вошедших в нейтральный, немаркированный слой лексики. В этом случае доказательство ономотопозитического (отидефонного) происхождения подобных слов нуждается в специальном обосновании. Как представляется, к случаям такого рода относятся глаголы абхазского и славянских языков, указанные в заглавии данной заметки.

В абхазском языке глагол представлен в виде *a-k^waba-ra* (рефлексив *a-čə-k^waba-ra*), в абазинском языке, соответственно, *k^waba-ra* и *č-k^waba-ra (č(ə)-* — возвратный префикс). В то время как большинство западнокавказских непроизводных глаголов представлены односложными корнями, данный глагол состоит из двух слогов, но сколько-либо убедительному членению не поддается. Указанная лексема присутствует и в убыхском языке (убых. *k^waba-* 'laver'), но здесь не исключено заимствование из абхазского. Сходный звукокомплекс зафиксирован в адыгейском языке, но не в основном его словаре, а в подсловаре так наз. детской речи: бжед., тем. *k^wəp-š'əp*, тем. также *k^wəp* 'купать(ся)' (о ребенке). "Взрослым" соответствием этому детскому слову в адыгейском является *zə-γa-ps-č'ə-n* 'купаться'.

В славянских языках: ц.-слав. *kъпати* 'lavare', болг. *кѣпя*, диал. *кѣп ъ*, *кѣп ъм* 'купать', макед. *капе* 'купать', с.-хорв. *kúpati* 'купать, полоскать', словен. *kópati*, *kómpati* 'купать', чеш. *koupati (se)* 'купать(ся)', рус. *купать(ся)* и т.д. < праслав. **kopati (se)* (ЭССЯ 12, 58). Предложено много попыток объяснения данного изолированного на индо-

европейском фоне общеславянского глагола, последнюю сволку которых см. в (Там же, 58—61). О.Н. Трубачев склоняется к высказанному ранее предположению о связи славянского глагола с **konopja* 'конопля', заключая: "Остается все-таки этимология и семантическая реконструкция **kpati* как 'пользоваться коноплей'" (Там же). Подобное толкование, однако, как отмечал М. Фасмер, сопряжено с фонетическими трудностями (Фасмер II, 419).

В данной связи небезыntenесно обратить внимание на слова "детской" речи в значениях 'купаться' в славянских языках: укр. *купу́/у-купу́*, блр. *куп-куп*, рус. *куп-куп*, словен. *kópi-kópi*, откуда соответствующие детские глаголы: укр. *купу́/ати*, словен. *kóřkat* 'купать'. Приводя указанные слова в своей статье о строении детских слов в славянских языках, О. Хорбач называет их звукоизобразительными местоимениями, с помощью которых иллюстрируются данные действия⁵.

Хотя, на самом деле, нельзя исключить возможность зависимости указанных детских образований от "взрослого" глагола, сам этот глагол мог первоначально возникнуть на основе звукоизобразительного (звукоподражательного) междометия, обозначающего звук шлепка ладоней по поверхности воды, по мокрому телу, звук плеска воды при купании. На предположение о звукоподражательном происхождении славянского глагола наводит и весьма легкое, практически без изменений, вхождение его в слой "детской" лексики (которая, как известно, характеризуется высокой степенью экспрессивности и звукового символизма) и большая близость указанного славянского звукокомплекса абхазскому глаголу с той же семантикой, а также детскому идефону в адыгейском (*k^wap-šáp, k^wap*), причем последний не обнаруживает связи с материалом "взрослого" лексикона. В определенной степени сходные звукокомплексы в значении 'купать(ся)' распространены в "детском" лексическом инвентаре языков мира достаточно широко, ср. абхаз. *t'ap'-t'ap'* 'купать(ся)', 'шлепок ладони по воде', абаз. тап. *č'ora-č'ora*, ашхар. *č'ora-č'ora, t'ap'-t'ap'* 'купаться'; объяснение информанта: подражание шлепкам ребенка по воде, адыг. *š'arəri, š'arəp, ari, š'ək^wək^wə* 'купаться', *t'ap'-t'ap', tap-tap* 'шлепать по воде, луже ладошкой', кабард. *šorā-šorā* 'купаться' (взросл. *zə-ya-ps-č'ə-n*), осет. *c'aep-c'aep kaenun* 'купаться', букв. *c'aep-c'aep* 'делать' (взросл. *aertajun*, осет. (кудар.) *čip'a-čip'a* 'купаться (плескаясь, барахтаясь)', татар. *čar-čar* 'купаться' (взросл. *jevenəš*), ногайск. *šara-šaw* 'купаться; хлопать в ладоши', болг. *чипа-чипа* 'купаться' (Там же), нивх. *уруп(у)-nt* 'мыться' (взросл. *p-su-nt*)⁶ и т.д. Нетрудно заметить, что большинство из приведенных детских слов имеет схожую структуру: глухой переднеязычный + гласный (чаще *a*) + глухой билабиальный смычный (*p*). Касяясь близкого по звучанию изображения звука падающих капель, А.М. Газов-Гинзберг писал: "Шлепающий характер этой замычки (глухого губного *p*. — В.Ч.), производимый мягкими органами рта — губами, передает шлепающий характер изображаемого звукового явления"⁷. В славянских и ряде западнокавказских языков мы встречаемся со второй, близкой разновидностью того же звукоподражательного слова: заднеязычный огубленный // задне-

язычный + *и*, *q* + гласный (*а*, *и*) + билабиальная смычка (ср. нем. *kab-beln* 'плескаться', лезг. *gura-gur* 'подражание ударам'). Носовой характер гласного в славянском еще более подтверждает отидеофонную природу корня **кqr*-:<**комr*- (// **куmr*-?), см. симптоматичную вариативность в словен. *kópati*, *kóptrati*, в.-луж. *купаś*, *кутраś*, польск. *купаś* 'купать', диал. *кутраś* 'купать, мыть' (ЭССЯ 12, 58—59), характерную для звуко-символических глаголов. Восстанавливаемое исходное для общеславянского звукоописательное междометие **комr*//*куmr*, изображающее звук при плюхании предмета в воду (ср. блр. *плюх-плюх* (детск.) 'мыться, купаться'), хлопанье ладоней по поверхности воды или по мокрому телу в принципе сходно (особенно по ауслату) с такими звукоподражаниями, как нем. *plump* 'шлеп, бултых!', англ. *plump* 'плюхаться в воду', дат. *plumpe* 'шепаться, бултыхнуться', нем. *plumpen* 'колотить по воде боталом', чуваш. *шамп-*, *чáмп-*, *тáмп-* 'подражание бултыханию, чмоканию, шлепанью'⁹, ср. также лезг. *t'amp'* (*-t'amp'*) 'подражание звуку падающей' воды, адыг. *žk'wəp'*-*sk'wəp'* (?*wān*) 'булькать (о воде)', *žk'wāmp'* 'яйцо-болтун' (звук протухшего содержимого яйца при его болтании) и т.д. Ономатопоэтический звукокомплекс *-umr* (в немецких словах *bumpfern*, *plump(s)en*, *gumpeln*) выделяет Р. Пфистер¹⁰, а также О. Есперсен¹¹.

Вообще глаголы, обозначающие действия, осуществление которых связано с производством каких-либо звуков, отличаются повышенной идеофоничностью. Так, в частности, глаголы в значении 'купаться', которые обозначают действие, сопровождаемое характерными звуками (шлепков, плеска, бултыхания и т.п.), по-видимому, нередко оказываются в различных языках производными от соответствующих звукоописательных междометий.

Наше объяснение происхождения абхазского и славянского глаголов является, конечно, гипотезой, однако возможность подобного толкования становится весьма вероятной при рассмотрении аналогичных образований в самых различных языках. Подобная экстраполяция на схожий материал других языков зачастую позволяет найти убедительное решение той или иной лингвистической задачи тогда, когда внутренние возможности ее объяснения уже исчерпаны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Конджария В.Х. Термины родства и семейных отношений в абхазско-абазинских диалектах // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, т. II, Тбилиси, 1975. 110.

² Историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1986. 92.

³ Трубачев О.Н. История славянских терминов родства. М., 1959. 174.

⁴ Там же.

⁵ Horbatsch O. Die Wortbildung und der Wortschatz der Kindersprache im Slawischen // Actes du X Congrès international des linguistes. Bucarest, 28 août — 2 septembre 1967. III. Buc., 1970. 164.

⁶ Austerlitz R. Gilyak nursery words // Word. 1965. V. 12. № 2. 265.

⁷ Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965. 69.

⁸ Horbatsch. Die Wortbildung ... 165.

⁹ Корнилов Г.Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984. 44.

¹⁰ Pfister R. Onomatopoeisches su // IF. Bd. LXI. Erstes Heft. B., 1952. 89.

¹¹ Jespersen O. Language, its nature, development and origin. L.; N.Y., 1928. 313.